

Солнечные лучи озаряли утренний лес. Приятные тёплые лучи касались чёрной блестящей кожи, трясущейся от холода, девушки, хрупкое тело которой трясло от холода и потрясения от последствий минувшей ночи, обернувшейся для Марсель самым страшным ужасом в её жизни. Всё тело было в ссадинах, заплаканные глаза и охрипший сорванный голос. Она была на грани. Уснуть, в обнимку со стволом дерева, она так и не смогла, и сейчас, так нужное ей, тепло солнца дарило ей лучи надежды на отдых. Ей нужно было поспать. Она с трудом сползла вниз, оказавшись на поляне кровавого побоища, где волками был растерзан человек, которому она доверила своё сердце. Всё было в крови и в ошмётках одежд Винта. Плакать она уже не могла, и оглядевшись по сторонам, совершенно не представляя, где она и куда идти дальше, подумала, — плевать, пойду на восток, — и двинулась, туда, откуда мягкими лучами подмигивало ей тёплое светило.

Она шла часа два, после чего оказалась на ясной поляне, полной разноцветных цветов, она радостно зашагала по ней, и но тут же споткнулась о сухую ветку и упала. Подняться сил не было, она закрыла глаза и всё начало кружиться у неё в голове.

Открыв глаза, она увидела, что лежит на тёплой кровати, в какой-то избушке, укрытая одеялом. Рядом с ней на табуретке стояла чашка остывшего чая и горсть сухарей. Всё это было поглощено за секунды. Она встала с кровати и ноги её ужасно заныли. Оглядев своё тело она увидела кучу ссадин, которые сильно болели, что напомнило ей о минувшей ночи, — так это был не сон... всё это произошло на самом деле со мной — слёзы выступили у неё из глаз. В ту же минуту в избушку вбежал бородатый мужик с ружьём.

— О, проснулась, чернявое дитя. — к слову, это он нашёл её на поляне и перенёс к себе в избу
Спустя час.

— Нет, нет, нет и не проси, я не могу тебе помочь, я не хочу тебе помочь. — быстро шагая вон из избы, выходил егерь Михаил.

— Прошу вас, у меня больше никого нет, мне очень надо домой, — бежала она за ним.

— Я что тебе господь Бог? Это ведь другой континент! Это не в Васюки сматать.

— Я знаю, это не просто, но помогите чем сможете, у вас же есть друзья в большом городе, наверняка ведь есть. Я что угодно сделаю для вас. — Но старик был неумолим.

— У меня дети есть, а сцапают меня? Что тогда? Что смотришь большими глазёнками? На сегодня оставайся, а завтра на все четыре стороны.

Темнело. Михаил возился с её ранами, готовил ужин, топил печь.

— Дядя Миша, вы ведь хороший человек.

— Я сказал своё! Советом помогу, направлю, а дальше сама. Понимаю что беда у тебя, но и ты меня пойми, не желаю я свою жизнь губить. — и он улёгся на широкую кровать, накрылся и закрыл глаза, — я устал, уголёк, больше слышать не хочу об этом.

Марсель ничего не оставалось делать, как дожидаться утра. Спать ей совсем не хотелось, ведь она прохрапела весь день, но она легла рядом с Михаилом и задумалась. Печь трещала, окидывая хатку приятным теплом и светом. Ужасы последних событий постоянно мелькали в чёрной голове девушки, образ Винта не выходил у неё из головы и она припомнила его последние слова: «... есть вещи, которые важнее чести... ради вашего народа, вы можете пренебречь и честью и всем на свете...»

— Пожертвовать моей честью, — подумала она — что он хотел этим сказать? — она лежала ещё пол часа, раздумывая над словами Винта, а мужик тихо прихрапывал, погружаясь в глубокий сон, как вдруг почувствовал приятное тепло, ласкающее его яйца и член, который давненько никто не трогал. Образ жизни отшельника имеет свои минусы. Тонкие нежные пальцы схватили ствол члена и начали спокойно надрачивать его. Хозяйство Михаила начало набухать, его член вышел из под контроля и мужик понимал, что скоро он захватит власть над его разумом.

— Прекрати, чернявая, ты что задумала? — но Марсель и не думала останавливаться, она понимала, что этот рычаг, её последняя надежда и начала драть его хуй ещё интенсивнее, лаская пальцами набухающую залупу. Затем она откинула одеяло, под которым делала своё тёмное дельце и ошарашенный взгляд лесника устремился на неё.

— Я хочу сделать это дядя Миша, вы так помогли мне.

— Да ты же ещё дитя

— Мне двадцать — и она сняла свою сорочку, оголив для него свою шикарнейшую шоколадную грудь. Член Михаила чуть ли не выпрыгнул из тела. Она медленно расстегнула ему ширинку глядя прямо в глаза. Тот не мог вымолвить не слова против, настолько неожиданно всё произошло. Ещё мгновение и из штанов показался крепкий мужицкий член, а она продолжила надрачивать его, затем принялась нежно целовать и щекотать языком, почти дымящуюся, залупу. Мужчина заворочался, уже давненько его хуй не переживал таких запусков на орбиту, — я дарю вам эту ночь дядя Миша — и она погрузила его хуй в свой нежный ротик смачно отсасывая. Мужик стонал и сам начал двигаться трахая её пухлые губки, слюна текла по стволу, блестящими линиями и скатывалась на волосатые яйца. Конец был близок, дыхание Михаила стало частым, сердце билось как у кота,

— аааааа... аааааа... — он предвкушал взрыв, всё горело и пылало во рту в этой чернокожей красавицы, как вдруг она резко остановилась. — Нет! Только не останавливайся, родная моя, прошу, возьми его в ротик...

— Вы хотите, чтобы я продолжила?

— да... да, пожалуйста...

Она быстро взобралась по его телу вверх, оставив руки в подушку.

— Пообещайте, что устроите меня в Москве и поможете, вернуться домой? Обещайте же!

— Малышка моя...

— Дайте слово, что поможете мне вернуться домой?! Тогда я сделаю всё, что захотите.

— Даю слово, я сделаю всё, что в моих силах! — после этих слов Марсель схватила его крепкий член и погрузила себе в пизду, продолжительно простонав от кайфа, она уже давно текла. Выдержав небольшую паузу, она медленно начала двигаться, насаживаясь на горячий хуй, постепенно наращивая темп. (для всех) И вот она уже сама не своя, скакала на нём, взывая от блаженства. Лесник, не выдержав больше, схватил её за колени начал мощно трахать снизу и блаженно кончать с дикими воплями. Внезапно, тихий набожный отшельник превратился в зверя и безудержно вливал горячую сперму в молоденькую негритянку. — Господи... господи боже... ааа... а. ааа... — он влил в неё всё без остатка, после чего она упала на него, и оба тяжело дышали, пока она тёрлась о его мягкую бороду, кайфуя от пронёсшегося по ней, оргазма.